

Г. Е. Корнилов
УРАЛ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ*

Изучению истории Урала периода Великой Отечественной войны и его колоссального вклада в Победу посвящена обширная научная литература, что позволяет выделить ее в отдельный поток отечественной историографии.¹ В 1990-е гг. начался новый этап развития региональной историографии: он проходил в условиях уже другого политического режима, относительно свободного доступа к архивным документам, отсутствия идеологического давления. Целями статьи являются: анализ историографической ситуации по истории Урала в период Великой Отечественной войны, выделение особенностей региональной историографии данного вопроса, определение направлений дальнейших исследований проблемы.

Изучение истории уральской промышленности, рабочего класса было традиционным направлением региональной историографии. Но только в монографии А. А. Антуфьева представлен комплексный анализ всех отраслей промышленности Урала, имевших общесоюзное значение.² При этом автор исследовал не только количественные, но и качественные показатели уральской промышленности, характеризовавшие динамику производительности труда и себестоимости продукции, рентабельность производства, технический прогресс и другие экономические параметры (выполнение плановых заданий,

комплексность использования природных ресурсов, соотношение экстенсивных и интенсивных факторов экономического развития, уровень организации и условия труда).

А. А. Антуфьев отказался от изложения материала согласно сложившейся в советской историографии периодизации истории тыла в годы Великой Отечественной войны. Он не выделяет периоды перестройки экономики на военный лад и создания слаженного военного хозяйства, поскольку считает, что так называемая перестройка не затрагивала основ административно-командной системы, не ломала устоявшихся форм и методов руководства, а являлась продолжением довоенного процесса перевода народного хозяйства на военные рельсы, только осуществляемого в более сжатые сроки в связи с экстремальными условиями войны.³

Дискуссионным остается вывод А. А. Антуфьева о том, что в стране не было создано слаженное военное хозяйство. Дефицитная разбалансированная экономика с диспропорциями между отраслями не могла стать слаженной, утверждает историк. Однако монополия государственная собственность на средства производства позволяла ГКО, ЦК ВКП(б), СНК, Госплану силовыми методами мобилизовать все имевшиеся ресурсы для развития военной индустрии, концентрировать их на важнейших участках промышленного строительства, а также произвольно снижать и повышать закупочные цены, устанавливать любые плановые задания, применять внеэкономические способы управления экономикой.⁴ Более того, даже сам автор отмечает, что уральцам удалось за четыре года войны увеличить промышленное производство втрое. Так, на долю Урала пришлось 70 % всех средних, тяжелых танков и САУ, выпущенных Наркоматом танковой промышленности СССР,⁵ до 40 % продукции всего военного производства. Не было таких видов военной продукции, которые бы здесь не изготавливались.⁶ К сожалению, обозначенные А. А. Антуфьевым дискуссионные проблемы не получили своего

¹ См., например: Евланова М. Н. Рабочий класс — фронт. Челябинск, 1984; Агарышев П. Г., Дергач М. С., Евланова М. Н. Партийные организации Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1975; и др.

² См.: Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. См. рецензию Г. Е. Корнилова в журнале «Вопросы истории» (1995. № 5–6. С. 160–162), а также: Корнилов Г. Е., Фельдман М. А. О монографии А. А. Антуфьева «Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны» // Изв. Урал. гос. ун-та. 2011. № 1 (86). С. 203–207.

*Корнилов Геннадий Егорович — д.и.н., профессор, зав. сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: genakorn@mail.ru*

* Работа выполнена по программе ОИФН РАН, проект № 12-Т-6-1003 «Урал в модернизационной динамике России XX века: историография и методология проблемы»

³ См.: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 9.

⁴ Там же. С. 320.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 223.

дальнейшего исследования. Экономическое развитие Урала в годы войны, да и страны в целом, современные историки оценивают практически с позиции, высказанной еще в 1948 г. Н. А. Вознесенским.⁷

Основные этапы становления и развития танковой промышленности на Урале выделил и проанализировал Н. Н. Мельников. Он представил динамику выпуска основной продукции, исследовал взаимосвязи между танковыми заводами Челябинска, Свердловска и Нижнего Тагила, определил факторы роста производства бронетехники.⁸ Историк, выявив ранее засекреченные документы, доказал, что производство танков в регионе началось на Челябинском тракторном заводе со второй половины 1940 г. Ранее в литературе утверждалось, что производство танков на Урале было налажено уже после начала Великой Отечественной войны.⁹

Н. Н. Мельников выявил и проанализировал факторы роста массового производства танков, такие как интенсификация производства, организация новой схемы кооперирования, внедрение новых научных разработок, применение конвейерно-поточного метода производства. Эти факторы определили ведущую роль региона в деле оснащения советских войск бронетехникой. По расчетам автора, Урал поставил фронту 1249 легких танков, 31769 средних и 7018 тяжелых, а также 4652 средние САУ и 2210 тяжелых. Историк делает обоснованный вывод о том, что Урал внес решающий вклад в Победу.¹⁰

Подводя итоги изучения истории уральской промышленности в годы войны 1941–1945 гг., В. Д. Камынин верно отметил, что уральские исследователи впервые стали писать не просто о функционировании военной экономики, а о складывании на Урале военно-промышленного комплекса.¹¹

⁷ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

⁸ Мельников Н. Н. Танковое производство на Урале в 1940–1945 гг.: история становления и развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

⁹ См.: Антуфьев А. А. Указ соч. С. 162, 163; Васильев А. Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 24; Ермолов А. Ю. Перестройка танковой промышленности СССР. 1941–1942 годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 28.

¹⁰ См.: Мельников Н. Н. Указ. соч. С. 22.

¹¹ См.: Камынин В. Д. Основные итоги изучения истории промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны в современной историографии // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2005. С. 71.

В отличие от промышленности и транспорта, аграрная сфера экономики Урала за годы войны оказалась подорванной. Исследования уральских историков показали, что уральская деревня, заплатив очень высокую цену за Победу, неуклонно шла к разрушению. М. Н. Денисевич изучил проблему развития индивидуального хозяйства граждан,¹² В. П. Мотревич — развитие колхозов и колхозного производства в пяти уральских областях,¹³ Р. Р. Хисамутдинова — аграрную политику Советского государства.¹⁴ В. Т. Анисков опубликовал ряд работ, написанных на материалах уральской деревни, о заготовках и личном потреблении крестьян, о борьбе с «недоимщиками» и «хлебосаботажниками» в годы войны.¹⁵ Автор данной статьи стремился комплексно осветить развитие уральской деревни в годы войны, первым в российской историографии поставил вопрос о цене Победы для крестьянства.¹⁶

В центре внимания современных исследователей уральского села военной поры, в отличие от работ предшественников, изучавших в основном политику партии и государства в отношении сельского хозяйства, оказались вопросы внутреннего состояния и развития деревни.¹⁷ Государство в годы войны постоянно изыскивало возможности увеличения изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьянства. Жесткое государственное регулирование было характерно для всех воюющих государств, но в СССР оно приняло уродливые формы. Работа на износ, разрушавшая деревню тыловых районов, была той огромной ценой, которую заплатило крестьянство за победу в войне.

¹² См.: Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1955 гг.). Екатеринбург, 1991.

¹³ См.: Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993.

¹⁴ См.: Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург, 2002; Она же. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале (1940 — март 1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004.

¹⁵ Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993; Он же. О бедной деревне замолвите слово... 1941–1945–19?? Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Вологда; Ярославль, 1996; Он же. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль, 1998; и др.

¹⁶ См.: Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990; Он же. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

¹⁷ См.: Кесслер Г., Корнилов Г. Е. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953. М., 2006.

Роль уральских промысловых и потребительских кооперативов в создании оборонного потенциала страны, материально-бытовом обслуживании населения стала предметом исследований А. А. Пасса.¹⁸ Необходимо отметить, что эта тема была представлена им впервые не только в региональной, но и в общесоюзной историографии. В годы войны промысловые артели и потребительские общества, участвуя в обеспечении армии и тыла, продемонстрировали высокую степень активности. Оставаясь в сфере планового регулирования, кооперативы получили известную свободу в видах деятельности, ценообразования, оплате труда; приобрели право осуществлять самостоятельный поиск контрагентов, использовать финансовые и налоговые льготы. Наличие в советской системе кооперативных ассоциаций с отличным от госпредприятий экономическим содержанием повышало ее приспособляемость к перекосам и деструктивным воздействиям, вызванным милитаризацией народного хозяйства и военной обстановкой.

Новым направлением в региональной историографии стали исследования демографических процессов.¹⁹ Введение в научный оборот демографической статистики позволило выяснить количественные и качественные изменения в структуре населения региона; определить факторы, влиявшие на динамику показателей рождаемости, смертности, естественного движения; исследовать потоки и формы миграционного движения и их воздействие на структуру населения. Глубокому исследованию подверглось сельское население региона. Нами выявлены две противоположные тенденции демографического развития на Урале: с одной стороны, значительный рост численности населения в 1941–1942 гг., с другой — ее неуклонное сокращение к концу войны. Деревня в годы войны понесла двойные потери — гибель людей на фронте и уход сельского населения в город. Ущерб, нанесенный войной, огромные людские потери резко ухудшили положение уральской деревни.

Специфика Урала состояла в том, что он находился в глубоком тылу и через его территорию проходили основные транспортные магистрали, соединяющие европейскую часть СССР с восточными регионами. Промышленный потенциал Урала позволил обеспечить трудоустройство эвакуированного населения и беженцев, а следовательно, и их выживание. Поскольку Урал принял около 2 млн мигрантов, изучение проблемы такого масштаба вышло за рамки регионального исследования.²⁰ М. Н. Потемкина в своих работах выявила не только местные особенности приема, устройства и деятельности эвакуантов, но и общие закономерности этих процессов.²¹ Наблюдения привели ее к новым выводам. Изложенные факты дали основание для пересмотра общепринятого положения о том, что в СССР в кратчайшие сроки была создана гибкая система центральных и местных эвакуационных органов. Напротив, считает историк, эта система формировалась длительное время, ее создание сопровождалось неоднократными реорганизациями. Особый интерес вызывает описание бытовых условий и характеристика массового сознания эвакуантов. В советской историографии, как правило, на передний план выдвигались позитивные примеры, а драматические коллизии оставались в тени. Несмотря на полиэтничный состав эвакуированных, никакой «польской» или «еврейской» политики при их размещении не проводилось. В этом М. Н. Потемкина справедливо видит одну из форм морального единства и интернационального воспитания советских людей, что, конечно, не гарантировало от конфликтов, возникавших из-за тотального дефицита товаров, большей скученности населения, невысокого уровня общей культуры.²²

Впервые в региональной, да, пожалуй, и в отечественной, историографии Н. П. Палецких исследовала социальную политику на Урале в годы войны.²³ В центре внимания оказались объективные и субъективные основы этой политики; пределы необходимого и

¹⁸ См.: Пасс А. А. Кооперативная промышленность и торговля на Урале в 1939–1941 гг. Челябинск, 2000; Он же. Война и кооперация. Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941–1945 гг. Челябинск, 2000.

¹⁹ См.: Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Корнилов Г. Е. Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996; Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67–82; Он же. Население Свердловска в военные годы // Российская история. 2010. № 4. С. 94–106.

²⁰ См.: Корнилов Г. Е. Война и уральское село. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 94–102.

²¹ См.: Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; Она же. Эвакуанты в уральском тылу 1941–1948 гг. Магнитогорск, 2006.

²² См.: Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны... С. 258.

²³ См.: Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995.

возможного в социальной политике в условиях войны; выработка и реализация трудовой и налоговой политики; организация системы жизнеобеспечения, социальной помощи и социального обеспечения; источники и способы осуществления социальных мероприятий; тенденции развития социальной инфраструктуры; эффективность и результаты социальной политики в обстоятельствах войны.

Анализируя формы мобилизации трудовых ресурсов, способы решения проблем укрепления трудовой дисциплины и оплаты труда, налоговых и займовых сборов с населения Урала, Н. П. Палецких приходит к выводу о том, что в основе трудовой политики в годы войны лежали апробированные методы: использование энтузиазма масс, государственное принуждение и ограниченное применение экономических стимулов. Впервые в региональной историографии ею были проанализированы военно-трудовые мобилизации; показано, как совместными усилиями ГКО и НКВД СССР была создана многочисленная трудармия. Н. П. Палецких приходит к выводу о том, что социально-экономический статус немцев-трудармейцев может быть квалифицирован как государственное рабство.²⁴ В этом же статусе находились и другие группы населения: заключенные ГУЛАГа, спецпереселенцы, военнопленные. Автор замечает, что все виды государственного рабства имели функциональное единство: они служили мерой социального наказания, обеспечивали постоянное пополнение военной экономики предельно дешевой рабочей силой, давали возможность несколько «ослабить изнашиваемость» многочисленного слоя кадровых рабочих.

Нельзя не согласиться с выводом Н. П. Палецких о том, что в годы войны Советское государство прибегло к административно-мобилизационному механизму организации совокупного общественного труда. Разнообразие административных санкций усиливало внеэкономическое принуждение к труду. В социальном смысле эти санкции означали широкомасштабные горизонтальные и вертикальные перемещения работников. Система принудительного труда в материальном производстве выступала в форме государственной эксплуатации производителей — в изъятии и присвоении государством прибавочной стоимости. Автор отметила, что в 1941–1945 гг.

основная часть прибавочного продукта была направлена на достижение Победы. На Урале в годы войны, приходит к выводу Н. П. Палецких, действовала одна из наиболее представительных моделей социальной политики в тылу, которая являлась многоплановым, целостным и в то же время внутренне противоречивым феноменом. В целом, социальная политика была нацелена на Победу, выживание народа и самосохранение общественно-политического строя.

В условиях войны природный, демографический, культурный, аграрный, индустриальный потенциал Урала был полностью мобилизован на защиту Родины. По мнению Н. П. Палецких, первостепенное значение для превращения Урала в «опорный край державы» имели его социальные ресурсы, а также деятельность властей по их сохранению, возобновлению, наращиванию, использованию, развитию, т. е. другими словами, социальная политика во всем ее многообразии.²⁵ Историк убедительно доказала, что решение задач по созданию слаженного военного хозяйства, оказание всемерной помощи фронту, организация систем жизнеобеспечения и активного функционирования тылового социума наполнили новым содержанием взаимозависимость и взаимодействие общества и власти. Общая цель — победа в войне любой ценой — служила объективным основанием реального единения народа и власти, массовой поддержки политического режима, выполнявшего функции мобилизации и интеграции воюющего общества. Властные структуры работали с осознанием своей ответственности за будущее страны. Об этом свидетельствуют меры по спасению и сохранению детского населения, направленные на повышение рождаемости, на борьбу с беспризорностью и безнадзорностью, на социализацию подрастающих поколений, на поддержание систем образования и здравоохранения.²⁶ Все эти направления были возведены на уровень стратегических государственных задач. Ни одна из систем воспроизводства и развития социальных ресурсов в экстремальных военных условиях не была разрушена. Фактором успешности социальной политики в годы войны автор считает официальную установку

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ См.: Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 2007.

²⁶ Там же. С. 95–146.

на то, чтобы власть не отрывала себя от народа, не подчеркивала дистанцию ни на уровне материально-бытового обеспечения, ни в стиле общения с массами.²⁷ В чрезвычайной обстановке и часто чрезвычайными методами партийно-советская система выполнила свою основополагающую функцию: она организовала общество на борьбу с врагом и достижение Победы.²⁸

Монография Г. К. Павленко посвящена одному из результатов социальной политики — трудовому подвигу подростков государственной системы трудовых резервов. Формирование и развитие системы трудовых резервов исследованы на фоне процессов, проходивших на фронте и в тылу; выявлены региональные особенности учебно-производственного обучения, расстановку кадров, продовольственного обеспечения, медицинскому обслуживанию, что составляет научную новизну исследования.²⁹

Одним из первых в регионе стал изучать историю репрессий на Урале В. М. Кириллов.³⁰ Он показал, что в конце 1930-х–1940-е гг. в регионе были созданы многочисленные лагерные системы, Ивдельлаг, Севураллаг, Богословлаг, Тагиллаг — в которых насчитывались сотни тысяч заключенных. Практически все наиболее тяжелые вспомогательные работы выполнялись силами «зеков». Учитывая распространенность «шарашек», использовавших труд узников ГУЛАГа, отмечает автор, заключенные составляли значительную часть ИТР в оборонной промышленности. Важным для историографии является вывод В. М. Кириллова о том, что репрессии привели к колоссальной деформации моральных и нравственных представлений уральцев и мигрантов. Лагерь и спецпоселения формировали новый тип человека — надломленного, привыкшего жить тяжелым нелюбимым трудом, молчаливого и покорного государственному насилию. Сложившаяся система хозяйствования была в прямом смысле убийственной для людей.

Значительным шагом в отечественной историографии является комплексное изучение

спецконтингента на Урале.³¹ Обобщающим трудом, представляющим спецконтингент как особую социальную группу зависимого населения СССР, является монография А. Б. Сулова.³² Историк дал подробную характеристику всем категориям спецконтингента, мобилизованного в лагеря Пермской области, выявил черты сходства и различия в их социальном и правовом статусе, в организации их труда и в их идеологической обработке, определил подходы к проблеме сравнительного анализа эффективности вольнонаемного и принудительного труда в СССР. Исследование функционирования формирований из советских немцев-трудоармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД СССР на территории Свердловской области, предпринял С. Л. Разинков.³³ Военизированные трудовые формирования в годы войны на Урале рассмотрены в работе Г. А. Гончарова.³⁴ Историк полагает, что с первых и до последних дней войны была выделена особая социальная группа людей, которая должна была трудиться в составе рабочих колонн. Эта группа была неоднородна по социальному и национальному составу. По подсчетам автора, в регионе было сосредоточено более 40 % мобилизованных в рабочие колонны страны.³⁵ Свой вклад в победу над врагом они вносили на трудовом фронте в условиях изоляции и недоверия.

Механизм реализации политики Советского государства по отношению к иностранным военнопленным на Урале впервые исследован Н. В. Суржиковой. Она раскрыла характер и направленность эволюции системы учреждений для содержания обезоруженных солдат и офицеров противника, проанализировала динамику численности и состава военнопленных, выявила особенности их мате-

²⁷ Там же. С. 6–69.

²⁸ Там же. С. 149.

²⁹ См.: Павленко Г. К. Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала — фронту. 1941–1945. Челябинск, 2004. С. 58, 94, 116.

³⁰ См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920–1950-е гг.: в 2 ч. Нижний Тагил, 1996; Он же. История репрессий на Урале. 1920-е — начало 50-х гг. (на материале Нижнетагильского региона): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996.

³¹ См.: Маламуд Г. Я. Спецконтингент. «Мобилизованные немцы», заключенные и спецпоселенцы на Урале в 1940-х–50-х гг. Челябинск, 2004; Пажит Ю. Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005; и др.

³² Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010.

³³ Разинков С. Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудоармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

³⁴ Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006.

³⁵ См.: Гончаров Г. А. «Трудоармия» на Урале в годы Великой Отечественной войны: состав и численность // Тр. каф. новейшей истории России Челяб. гос. ун-та. Т. 1. Челябинск, 2007. С. 47.

риально-бытового обеспечения и трудового использования, политической и оперативно-следственной работы. На территории Свердловской области в 1942–1949 гг. функционировало 13 лагерей для военнопленных, через которые прошло более четверти миллиона военнопленных германской, итальянской, венгерской, румынской, финской и японской армий. Проанализировав финансовую документацию лагерей, историк пришла к выводу о нерентабельности принудительного труда.³⁶

Впервые в региональной историографии А. И. Вольхин изучил оперативную деятельность территориальных органов государственной безопасности.³⁷ В его работе определено соотношение реальных и потенциальных, внешних и внутренних угроз в отношении безопасности Урало-Сибирского региона; выявлены роль и место органов госбезопасности в политической системе советского общества военных лет; исследованы разведывательные, диверсионные, вредительские, саботажные, идеологические, повстанческие, террористические акции спецслужб иностранных государств и враждебных антисоветских элементов; выявлены факты предательства и пособничества врагу и показана адекватность форм и методов борьбы с ними территориальных органов госбезопасности. Историк исследовал работу этих органов в единстве их контрразведывательной, контрольно-инспекционной, хозяйственно-организаторской деятельности и решения задач тайной политической полиции. А. И. Вольхин считает, что органы госбезопасности СССР никогда не являлись самостоятельной и независимой силой, своеобразным «государством в государстве». Политическое руководство СССР использовало целый арсенал возможностей системы органов госбезопасности, в том числе жесткий централизм спецслужбы, ее мобильность, наличие высокодисциплинированных и исполнительных кадров, агентуры, охватившей и пронизавшей все сферы промышленного и сельскохозяйственного производства.

Продовольственное положение горожан Урала оказалось в центре внимания исследова-

ний А. Н. Трифонова. Проанализировав характерные черты продовольственного положения населения региона накануне войны, выявив основные мероприятия по реорганизации системы снабжения продовольствием в военных условиях, автор пришел к выводу, что сосредоточение в руках государства запасов продовольствия, строгая централизация планирования и распределения товарных ресурсов, карточная система, жесточайший режим экономии позволили Советскому государству наиболее эффективно использовать ресурсы и обеспечить снабжение продовольствием городского населения по определенным, часто минимальным, нормам. Автор считает, что принцип дифференцированного снабжения себя полностью оправдал.³⁸ Историк обратил внимание на создание в регионе системы ОРСов (отделов рабочего снабжения), показал размах огородничества среди рабочих и служащих. Именно огороды, как утверждает автор, спасли многих горожан от голодной смерти. В то же время исследование не дает ответа на дискуссионный вопрос: был ли голод на Урале в годы войны?

Культурному развитию Урала в годы войны посвящена монография А. В. Сперанского.³⁹ Влияние культуры, как отмечает историк, ощущалось на состоянии общества военной поры: произведения культуры способствовали осмыслению происходящего, а также единства целей, задач, чувств советского народа, обуславливали его сознательное участие в боях. Зажатая тисками сталинской идеологической машины, культура была фундаментом, на котором базировалось мужество, стойкость, героизм советских воинов и тружеников тыла. Образование, литература, искусство, религия вложили в руки народа духовное оружие, без которого Победа была бы вряд ли возможна.⁴⁰ В годы войны, приходит к выводу А. В. Сперанский, героико-патриотические произведения, созданные деятелями культуры, не могли быть конъюнктурными, а выражали стремление всей страны к Победе и во многом способствовали ее достижению. Историк заключает, что культурный потенциал Урала

³⁶ См.: Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 64–65, 282–284.

³⁷ См.: Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 38.

³⁸ См.: Трифонов А. Н. Продовольственное положение на Урале в период Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1993. С. 141.

³⁹ Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург, 1996.

⁴⁰ Там же. С. 49, 50.

в военное время был полностью использован для организации обороны страны.⁴¹

Только на втором этапе развития региональной историографии — в середине 1990-х гг. — появились исследования о роли церковных организаций в годы войны. Статьи Г. Е. Корнилова, А. В. Сперанского, монография Т. А. Чумаченко посвящены истории Русской православной церкви на Урале в годы войны.⁴² А. Б. Юнусова рассмотрела процесс нормализации государственно-религиозных отношений, религиозную жизнь мусульман Башкирской АССР в военные годы.⁴³

Несмотря на мощную урбанизацию в регионе годы в войны, исследований по истории городов крайне мало. Уникальным явлением в историографии является работа А. В. Федоровой, посвященная истории города Оренбурга в годы Великой Отечественной войны.⁴⁴ Как расширились функции города, стал ли он «городом-заводом», что представляла из себя социальная сфера областного центра — на эти и другие вопросы отвечает историк. А. В. Федорова выделила этапы мобилизации горожан на фронт, изучила процессы организации военного производства, приема и размещения эвакуированных предприятий и населения. Лучшими сюжетами книги, на наш взгляд, являются те, где представлен рассказ о культурной жизни города — театрах, деятелях культуры. Эта работа дала толчок развитию исторического городоведения на Урале.

Обобщающим трудом, воссоздавшим историю города Свердловска (ныне Екатеринбург) в военных условиях, стала монография «Во имя Победы», выдержавшая два издания.⁴⁵ Предприятия города за годы войны увеличили объем выпускаемой продукции в 7 раз. Главным источником самоотверженной работы свердловчан, их стойкости и терпения в преодолении трудностей, их готовности пойти на жертвы и лишения был патриотизм. Авторы книги доказывают это на многочисленных примерах, описывая конкретные достижения ученых, инженеров, рабочих. Впервые в реги-

ональной историографии проанализирована демографическая ситуация в городе. В частности, подсчитано, что численность населения Свердловска достигла 548 тыс. человек. В книге показано, как решалась продовольственная проблема, острый жилищный вопрос, развивалось коммунальное хозяйство, городской транспорт. Большой раздел посвящен научным учреждениям и развитию научных исследований (Свердловск принял многие институты АН СССР, АН УССР). Результатом усилий академических учреждений и вузов стала разработка научной программы по превращению Урала в основную индустриальную базу СССР. В монографии показано, что город стал не только грандиозной кузницей оружия и местом подготовки прославившихся на фронте воинских частей и соединений, но и уникальным центром культуры, оказавшим влияние на всю страну.⁴⁶

На втором этапе региональной историографии (с начала 1990-х гг.) затухают комплексные исследования по истории Урала в годы войны. Исключением является монография Р. С. Аюпова по истории Башкирской АССР.⁴⁷ В книге рассматривается не только трудовой, но и ратный подвиг жителей Башкирии. Первый обобщающий труд о роли Свердловской области в достижении Победы подготовил А. В. Сперанский. Главное внимание в монографии уделено процессам, определявшим качественные изменения в экономике, политической и социокультурной жизни Среднего Урала в экстремальных условиях. Основной акцент сделан на анализе событий, сыгравших определяющую роль в трансформациях края в годы войны.⁴⁸

В 1990-е гг. практически прекратились исследования деятельности партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, которые преобладали в советский период историографии. Последней работой, посвященной историческому опыту идеологической работы коммунистов в годы войны, стала монография Б. П. Дементьева.⁴⁹ Коммунисты, безусловно, влияли на все сферы общественной жизни, формировали образ врага,

⁴¹ Там же. С. 309.

⁴² См.: Летопись уральских деревень. Екатеринбург, 1995. С. 197–213; Чумаченко Т. А. Государство, Православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999; и др.

⁴³ См.: Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 198–239.

⁴⁴ Федорова А. В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995.

⁴⁵ Во имя Победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 2005.

⁴⁶ Там же. С. 183.

⁴⁷ Аюпов Р. С. Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1994.

⁴⁸ Сперанский А. В. На войне как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг. Екатеринбург, 2012.

⁴⁹ Дементьев Б. П. Идеологическая работа партийных организаций Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990.

призывали к беззаветному служению Отечеству, поднимали патриотический дух, объединили все население на борьбу с фашизмом, выдвинув четкий и понятный лозунг «Все для фронта! Все для победы!», сплотили общество. Исследование деятельности партийных, общественных организаций, местных органов государственной власти необходимо продолжить, используя ранее недоступные архивные документы.⁵⁰

Изучение военной истории всегда было традицией на Урале, и на современном этапе этой теме по-прежнему посвящаются научные конференции,⁵¹ исследования.⁵² Заметный вклад в региональную историографию внесли работы В. П. Могутнова, в которых исследуется роль Урала в защите Отечества, проблемы подготовки резервов для фронта, включая боевую, политическую, материально-техническую ее составляющие.⁵³ На одно из первых мест выдвинулась задача мобилизации в РККА военнообязанных, находившихся в запасе и получивших армейскую подготовку. Анализируя потребность армии в пополнении, историк описывает дополнительные источники ее комплектования. Он приводит сведения о направлении в армию военнообязанных из числа ранее судимых, рабочих строительных колонн, ограниченно годных по состоянию здоровья, из других категорий населения. За годы войны заметно выросло количество призывников, прошедших вневойсковое обучение на различных курсах, по программам Всевобуча, в осоавиахимовских подразделениях.

За годы войны на Урале были призваны, мобилизованы добровольно в РККА более

3,7 млн военнообязанных. В ходе войны, особенно в ее первый период, на Урале интенсивно создавались запасные соединения и части. В. П. Могутнов представил уточненные данные. К началу войны в регионе дислоцировалось 467 соединений и частей. За вторую половину 1941 г. на Урале было вновь создано 290 различных воинских формирований, из которых в действующую армию было отправлено 189. За 1942–1943 гг. были образованы вновь 392 воинские части. Автор провел кропотливую работу по уточнению количества созданных в регионе войсковых формирований оперативного и тактического назначения — за годы войны было вновь сформировано 859 войсковых единиц различного назначения, из них 783 отправлены на фронт и в другие регионы страны. Из общего количества войсковых единиц создано 3 корпуса (включая добровольческие), дивизий — 77, бригад — 56, отдельных полков — 40. Остальные 683 представлены более мелкими боевыми подразделениями, такими как дивизионы, батальоны, артбатареи, отдельные роты, учебные центры, комендатуры. Сформированные на Урале соединения, полки, батальоны приняли участие в 29 стратегических наступательных операциях и в 5 оборонительных, 73 самостоятельных фронтовых операциях, проведенных советским командованием. Начиная с 1943 г. основной упор делался на танковые, артиллерийские и другие специальные части и соединения. Потребность действующей армии в них вызывалась необходимостью повышения подвижности и огневой мощи наших войск.⁵⁴ Большое внимание уделено обучению гражданского населения разнообразным воинскими специальностям. Автор приходит к выводу о том, что война на практике подтвердила правильность положений советской военной доктрины, предусматривавшей создание и использование стратегических резервов как главного условия повышения боеспособности Красной армии.⁵⁵

Заметным явлением в историографии стал выход сборника-справочника «Урал ковал Победу» (под ред. П. Г. Агарышева).⁵⁶ В нем представлена информация о вкладе уральцев

⁵⁰ См. материалы научных конференций, посвященных 50-летию Победы: Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Уфа, 1995; Великая Отечественная война: уроки, проблемы. Пермь, 1995; 50-летию Победы: тез. науч.-практ. конф. Челябинск, 1995; Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995; и др.

⁵¹ См.: Средний Урал в первый период Великой Отечественной войны: вклад в подготовку коренного перелома. Екатеринбург, 2002; Военная история как фактор патриотического воспитания. VIII уральские военно-исторические чтения, посвящ. 70-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2013; и др.

⁵² См.: Военная история Урала: события и люди. Екатеринбург, 2008; Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008; и др.

⁵³ См.: Могутнов В. П. Владеть оружием учились на Урале. (Войсковая подготовка резервов на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945). Ч. 1. Курган, 1998; Он же. Владеть оружием учились на Урале. (Вневойсковая подготовка резервов на Урале в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945). Ч. 2. Курган, 1998; Он же. Война. Урал. Резервы (1941–1945 гг.). Курган, 1999.

⁵⁴ См.: Могутнов В. П. Подготовка резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). (На материалах Урала): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2000. С. 25, 26.

⁵⁵ Там же. С. 33.

⁵⁶ Урал ковал Победу: сб.-справ. Челябинск, 1993.

в разгром немецко-фашистских захватчиков. Впервые в одной книге собраны биографические справки о 657 уральцах, ковавших Победу в тылу; содержится список предприятий, награжденных орденами и получивших на вечное хранение красные знамена; перечислены воинские формирования, отправленные с Урала на фронт; госпитали, в которых находились на излечении раненые; трудовые коллективы, граждане, оказавшие помощь фронту и получившие благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Особенностью исследований, посвященных истории уральского тыла в Великой Отечественной войне, в последнее 20-летие является широта постановки вопросов и комплексность, позволяющая лучше понять исторические реалии жизни региона. Сложившаяся

историографическая ситуация позволяет приступить к подготовке обобщающего труда об уральском тыле в годы Великой Отечественной войны. При этом необходимо исследование малоизученных проблем (в частности, геополитического положения Урала, влияния войны на экономическое, политическое, культурное, демографическое, экологическое развитие региона в военное и послевоенное время); изучение особенностей быта, феномена массового участия женщин в индустриальном производстве и на фронте, ратных дел уральцев, роли психологического фактора, роли Уральского региона в мировой истории середины XX столетия: смещение вектора исследований в направлении исторической антропологии, что позволит рассмотреть прошлое во всей его многомерности и вариативности.

Ключевые слова: *региональная историография, история Урала, Великая Отечественная война*

Аннотация: Анализ историографических источников по истории Урала в период Великой Отечественной позволил автору утверждать, что сложилась уральская региональная историография. Выделены два этапа в ее развитии. В статье анализируются научные публикации уральских историков последнего 20-летия (второй этап), показаны несомненные успехи в изучении экономической, социальной, демографической истории Уральского региона, выявлены ее особенности, приоритеты и ведущие позиции в отечественной историографии (создание регионального банка данных по истории Урала в годы войны; исследование мобилизационных практик советской власти; изучение повседневной жизни социума). Автор полагает, что историографическая ситуация позволяет приступить к созданию обобщающего труда по истории Урала в годы Великой Отечественной войны.

Gennady E. Kornilov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: genakorn@mail.ru

THE URAL IN GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORIOGRAPHIC SITUATION

Based on the analysis of historiographic sources on the history of the Urals during Great Patriotic War the author makes a statement of the formation of the Urals regional historiography. Two stages in its development have been identified. The article provides analysis of research publications by the Urals historians of the last 20 years (the second stage), demonstrates emphatic success in the study of economic, social and demographic history of the Ural region, indicates its specifics, priorities and the leading positions in the Russian historiography (creation of the regional bank of data on the history of the Ural during the War; the study of mobilization practices of the Soviet government; the study of everyday life of society). The author believes that the historiographic situation indicates the possibility to start a research project summing up the history of the Ural during Great Patriotic War.

Key words: *regional historiography, history of the Urals, Great Patriotic War*

REFERENCES

50-letiyu Pobedy (50-th anniversary of Victory) *Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Proceedings of the scientific-practical conference). Chelyabinsk, 1995, 139 p. (in Russ.).

Agaryshev P. G., Dergach M. S., Yevlanova M. N. *Partiynye organizatsii Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Party organizations of the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk, 1975, 108 p. (in Russ.).

Aniskov V. T. *O bednoy derevne zamolvite slovo... 1941–1945–19?? Sotsialnaya zhertvennost i sudby krestyanstva* [Oh poor village say a word... 1941–1945–19?? Social sacrifice and the fate of the peasantry]. Vologda, Yaroslavl, 1996, 206 p. (in Russ.).

Aniskov V. T. *Voyna i sudby rossiyskogo krestyanstva* [The war and the fate of the Russian peasantry]. Vologda, Yaroslavl: Vologodskiy IPKIPPK Publ., 1998, 288 p. (in Russ.).

Aniskov V. T. *Zhertvennyy podvig derevni* [Sacrificial feat village]. Novosibirsk, 1993, 248 p. (in Russ.).

Antufev A. A. *Uralskaya promyshlennost nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Ural industry before and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1992, 339 p. (in Russ.).

Ayupov R. S. *Respublika Bashkortostan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Republic of Bashkortostan in the Great Patriotic War]. Ufa: UfaRIO BashGU Publ., 1994, 314 p. (in Russ.).

Chumachenko T. A. *Gosudarstvo, Pravoslavnaya Tserkov, veruyushchie. 1941–1961 gg.* [The state, the Orthodox church and the faithful. 1941–1961]. Moscow: AIRO-XX Publ., 1999, 248 p. (in Russ.).

Dementev B. P. *Ideologicheskaya rabota partiynykh organizatsiy Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [The ideological work of the Party organizations of the Urals during Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1990, 150 p. (in Russ.).

Denisevich M. N. *Individualnye khozyaystva na Urale (1930–1955 gg.)* [Individual farms in the Urals (1930–1955 gg.)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1991, 196 p. (in Russ.).

Ermolov A. Yu. *Otechestvennaya istoriya* (History of the Russia), 2004, № 3, pp. 28–35. (in Russ.).

Yevlanova M. N. *Rabochiy klass — frontu* [The working class — the front]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1984, 112 p. (in Russ.).

Fedorova A. V. *Orenburg v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Orenburg in the Great Patriotic War]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1995, 216 p. (in Russ.).

Goncharov G. A. *Trudovaya armiya na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Labor army in the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2006, 222 p. (in Russ.).

Goncharov G. A. *Trudy kafedry noveyshey istorii Rossii Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the department of the modern history of Russia Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk: ChelGU, 2007, Vol. 1, pp. 39–48. (in Russ.).

Kamynin V. D. *Vklad Urala v razgrom fashizma: istoricheskiy opyt i sovremennye problemy natsionalnoy bezopasnosti. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The contribution of the Urals in the defeat of fascism: a historical experience and contemporary issues of national security proceedings of International conference]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN Publ., 2005, pp. 70–73. (in Russ.).

Kessler G., Kornilov G. Ye. *Kolkhoznaya zhizn na Urale. 1935–1953* [Collective farm life in the Urals. 1935–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, 912 p. (in Russ.).

Khisamutdinova R. R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie na Urale (1940 — mart 1953 gg.): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [The agrarian policy of the Soviet state and its implementation in the Urals (1940 — March 1953): summary of the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Orenburg, 2004, 58 p. (in Russ.).

Khisamutdinova R. R. *Selskoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Maloizvestnye stranitsy* [Agriculture Urals during Great Patriotic War. Unknown pages]. Orenburg: OGPU Publ., 2002, 299 p. (in Russ.).

Kirillov V. M. *Istoriya repressiy na Urale. 1920-e — nachalo 50-kh gg. (na materiale Nizhnetagil'skogo regiona): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [The history of repression in the Urals. 1920 — the beginning of the 50s. (based on the region of Nizhny Tagil): summary of the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2001, 43 p. (in Russ.).

Kirillov V. M. *Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala v 1920–1950-e gg.* [The history of repression in Nizhny Tagil in the Urals region, 1920–1950]. Nizhny Tagil: NTGPI Publ., 1996, Part 1, 231 p.; Part 2, 248 p. (in Russ.).

Kornilov G. Ye. *Otechestvennaya istoriya* (History of the Russia), 1993, № 3, pp. 67–82. (in Russ.).

Kornilov G. Ye. *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Ural village during Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk: izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 1990, 221 p. (in Russ.).

Kornilov G. Ye. *Uralskoe selo i voyna. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Ural village and war. The problems of demographic development]. Ekaterinburg: Uralagropress Publ., 1993, 174 p. (in Russ.).

Kornilov G. Ye. *Voyna i uralskoe selo. Problemy demograficheskogo razvitiya* [War and the Urals village. The problems of demographic development]. Ekaterinburg: Uralagropress Publ., 1993, 173 p. (in Russ.).

Kornilov G. Ye., Feldman M. A. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of the Ural State University), 2011, № 1 (86), pp. 203–207. (in Russ.).

Kornilov G. Ye., Antufev A. A. *Voprosy istorii* (Questions of the History), 1995, № 5–6, pp. 160–162. (in Russ.).

Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G., Kornilov G. Ye. *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [The population of the Urals. XX century. History of the demographic development]. Ekaterinburg: “Ekaterinburg” Publ., 1996, 212 p. (in Russ.).

Letopis uralskikh dereven. Tezisy dokladov regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Annals of the Ural villages. Abstracts of the regional scientific and practical conference]. Ekaterinburg: UrGSKhA Publ., 1995, 256 p. (in Russ.).

Malamud G. Ya. *Spetskontingent. “Mobilizovannyye nemtsy”, zaklyuchennyye i spetsposelentsy na Urale v 1940-kh–50-kh gg.* [Special contingent. “Mobilized Germans”, prisoners and special settlers in the Urals in the 1940s–50s]. Chelyabinsk: Rifey Publ., 2004, 234 p. (in Russ.).

Melnikov N. N. *Tankovoe proizvodstvo na Urale v 1940–1945 gg.: istoriya stanovleniya i razvitiya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Tank production in the Urals in 1940–1945: history of development: summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2005, 23 p. (in Russ.).

Mogutnov V. P. *Podgotovka rezervov dlya fronta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Preparation of reserves to the front during the Great Patriotic War (1941–1945): summary of the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Chelyabinsk, 2000, 34 p. (in Russ.).

Mogutnov V. P. *Vladet oruzhiem uchilis na Urale* [Studied the use of arms in the Urals]. Kurgan: Kurganskiy voennyi institut FPS RF Publ., 1998, Part 1, 117 p.; Part 2, 77 p. (in Russ.).

Mogutnov V. P. *Voyna. Ural. Rezervy (1941–1945 gg.)* [War. Urals. Reserves (1941–1945)]. Kurgan: Parus-M Publ., 1999, 197 p. (in Russ.).

Motrevich V. P. *Kolkhozy Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The collective of the Urals during the Great Patriotic War]. Sverdlovsk: izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 1990, 196 p. (in Russ.).

Motrevich V. P. *Selskoe khozyaystvo Urala v pokazatelyakh statistiki (1941–1950 gg.)* [Agriculture Urals in terms of statistics (1941–1950 gg.)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1993, 306 p. (in Russ.).

Paletskikh N. P. *Sotsialnaya politika na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social policy in the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy agroinzhenernyy inctitut Publ., 1995, 184 p. (in Russ.).

Paletskikh N. P. *Sotsialnye resursy i sotsialnaya politika na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social resources and social policy in the Urals during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk: ChGAU Publ., 2007, 166 p. (in Russ.).

Pass A. A. *Kooperativnaya promyshlennost i torgovlya na Urale v 1939–1941 gg.* [Cooperative industry and trade in the Urals in 1939–1941]. Chelyabinsk: ChGAU Publ., 2000. (in Russ.).

Pass A. A. *Rossiyskaya istoriya* (Russian History), 2010, № 4, pp. 94–106. (in Russ.).

Pass A. A. *Voyna i kooperatsiya. Promyslovye arteli i potrebitelskie obshchestva na Urale v 1941–1945 gg.* [War and cooperation. Fishing cooperative and consumer society in the Urals in 1941–1945]. Chelyabinsk: ChGAU Publ., 2000, 169 p. (in Russ.).

Pavlenko G. K. *Yunye gvardeytsy tyla. Trudovye rezervy Urala — frontu. 1941–1945.* [Young guards the rear. Labor reserves of the Urals — the front. 1941–1945]. Chelyabinsk: Kniga Publ., 2004, 167 p. (in Russ.).

Pazhit Yu. Yu. *Zaklyuchennye, trudmobilizovannye NKVD SSSR i spetsposelentsy v Sverdlovskoy oblasti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Prisoners, labor mobilized by the NKVD USSR and special settlers in the Sverdlovsk region): summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences)]. Ekaterinburg, 2001. (in Russ.).

Potemkina M. N. *Evakonaselenie v uralskom tylu 1941–1948 gg.* [Escape the population in the Ural rear 1941–1948]. Magnitogorsk: MaGU Publ., 2006, 265 p. (in Russ.).

Potemkina M. N. *Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: lyudi i sudby* [Evacuation of the Great Patriotic War: the people and the fate]. Magnitogorsk: MaGU Publ., 2002, 220 p. (in Russ.).

Razinkov S. L. *Sotsialnyy portret i sudby sovetskikh nemtsev-trudarmeytsev, mobilizovannykh v lagerya NKVD na territorii Sverdlovskoy oblasti v 1941–1946 gg.: opyt sozdaniya i primeneniya elektronnoy bazy dannykh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Social portrait and the fate of the Soviet-German labor army mobilized in camps of the NKVD in the Sverdlovsk region in the years 1941–1946: the experience of creation and application of an electronic database): summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences)]. Ekaterinburg, 2001, 25 p. (in Russ.).

Respublika Bashkortostan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [The Republic of Bashkortostan in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Ufa, 1995. (in Russ.).

Shchit i mech otchizny. Oruzhie Urala s drevneyshikh vremen do nashikh dney [Shield and sword of the motherland. Ural weapons from ancient times to the present day]. Ekaterinburg: Raritet Publ., 2008, 464 p. (in Russ.).

Speranskiy A. V. *Na voyne kak na voyne. Sverdlovskaya oblast v 1941–1945 gg.* [In war as in war. Sverdlovsk region in 1941–1945]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2012, 407 p. (in Russ.).

Speranskiy A. V. *V gornile ispytaniy. Kultura Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [In the crucible of trial. The culture of the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1996, 349 p. (in Russ.).

Sredniy Ural v pervyy period Velikoy Otechestvennoy voyny: vklad v podgotovku korennoy pereloma [Middle Urals in the first period of the Great Patriotic War: a contribution to the preparation of radical change]. Ekaterinburg: IiA UrO RAN Publ., 2002, 185 p. (in Russ.).

Surzhikova N. V. *Inostrannye voennoplennyye Vtoroy mirovoy voyny na Srednem Urale (1942–1956 gg.)* [Foreign prisoners of the Second World War in the Middle Urals (1942–1956 gg.)]. Ekaterinburg: Gumanitarnyy universitet Publ., 2006, 500 p. (in Russ.).

Suslov A. B. *Spetskontingent v Permskoy oblasti (1929–1953 gg.)* [Special contingent in the Perm region (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, 384 p. (in Russ.).

Trifonov A. N. *Prodovolstvennoe polozhenie na Urale v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [The food situation in the Urals during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: izdatelstvo UGTU— UPI Publ., 1993, 171 p. (in Russ.).

Ural koval Pobedu [Ural fought in the war]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1993, 382 p. (in Russ.).

Ural v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. [Ural in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Ekaterinburg: IiA UrO RAN Publ., 1995, 303 p. (in Russ.).

Vasilev A. F. *Promyshlennost Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [Industrial Urals during World War II. 1941–1945]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 279 p. (in Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voyna: uroki, problemy [The Great Patriotic War: lessons and challenges]. Perm: PGU Publ., 1995, 142 p. (in Russ.).

Vo imya Pobedy. Sverdlovsk v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [In the name of Victory. Sverdlovsk in the Great Patriotic War]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2005, 256 p. (in Russ.).

Voennaya istoriya kak faktor patrioticheskogo vospitaniya (Military history as a factor in patriotic education) *VIII uralskie voenno-istoricheskie chteniya* (VIII Ural military history reading). Ekaterinburg: BKI Publ., 2013, 336 p. (in Russ.).

Voennaya istoriya Urala: sobytiya i lyudi [Military history of the Urals: the events and people]. Ekaterinburg: ID “Sokrat” Publ., 2008, 320 p. (in Russ.).

Volkhin A. I. *Deyatelnost organov gosudarstvennoy bezopasnosti Urala i Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* [The activities of the State Security of the Urals and Western Siberia in the years of the Great Patriotic War of 1941–1945: summary of the thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2001, 43 p. (in Russ.).

Voznesenskiy N. *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoy voyny* [The war economy of the USSR during Great Patriotic War]. Moscow: OGIZ Publ., 1948, 450 p. (in Russ.).

Yunusova A. B. *Islam v Bashkortostane* [Islam in Bashkortostan]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Publ., 1999, 352 p. (in Russ.).